

Поляков-Катин Дмитрий. Мзда. Краткая история коррупции от Ярослава до Бориса. — М. : Вече, 2025. — 352 с.

МОЖНО спорить о том, насколько неотъемлемым элементом феномена власти в человеческом обществе является феномен коррупции, но их тесная связь, гениально выраженная Гоголем в знаменитой реплике из "Ревизора": "Не по чину берёшь!", — сомнению не подлежит. Применительно к нашей стране эта связь по ряду причин, о которых — ниже, обрела статус общепризнанного культурно-исторического мифа, о чём не прямо, но вполне явственно свидетельствует подзаголовок этой книги, сформулированный таким образом, будто бы речь идёт не о коррупции в России, от Ярослава Мудрого до Бориса Ельцина, но о коррупции вообще. То есть, надо понимать, по умолчанию таковая нигде больше в мире, кроме нашей страны, не встречается? Хотя в предисловии автор прямо указывает: "Не надо думать, будто коррупция является, как предпочитают выражаться

некоторые публицисты, "родовым пятном" именно России (возможно, здесь уместнее было бы сказать: "только России"? — Авт.), — приводя тому необходимые и достаточные доказательства, но в отечественном сознании этот феномен всё равно воспринимается как зло, как нечто, не имеющее права быть. А вот на Западе (или, по весьма распространённому у нас выражению, "в цивилизованном мире") многие проявления коррупции признаются под названием "лоббизма" и под другими вполне легальными, "упорядоченными" именами. У нас же, как отмечалось ещё в "Повести временных лет", "Земля велика и обильна, а порядка в ней нет", поэтому все и "не по чину берут".

Дмитрию Николаевичу Полякову-Катину, автору известной трилогии "Берлинская жара" — "Цепная реакция" — "Эпицентр", посвящённой атомному проекту Третьего рейха, взявшемуся в своей новой книге описать почти тысячелетнюю историю коррупции в России, неизбежно приходится связывать её с именами людей, которые правили нашей страной (сорок очерков, причём с эпохи Петра I хронологически непрерывных, — это серьёзно). Фактически он создаёт свою версию отечественной истории, в которой явно проступают общие

ТАЙНЫЙ ПОРОК

черты и с сатирической поэмой А.К. Толстого "История государства Российского", и с "Историей города Глупова" М.Е. Салтыкова-Щедрина. Только жанр его работы — не сатира как таковая, а фактически исследование феномена коррупции как "недокументированных возможностей" феномена власти. Здесь как нельзя более к месту приходятся и вошедшие в историю слова императрицы Екатерины II: "Меня обворовывают точно так же, как и других. Но это хороший знак и показывает, что есть что воровать", — и обращённые к своему сыну, будущему Александру II, сетования императора Николая I: "В России, Сашка, не воруют, пожалуй, только два человека. Это ты и я".

АВТОР ОТСТАИВАЕТ точку зрения, согласно которой важен не столько объём коррупционных злоупотреблений, сколько неотвратимость справедливого наказания за них. При этом он отмечает: "Как-то так повелось,

что те правители, которые сквозь пальцы смотрели на коррупцию и потворствовали процветанию фаворитизма, остались в истории привлекательными во всех отношениях персонажами, как, например, Екатерина Великая или Александр I. А те, что давали крепкий, болезненный отпор лихоимству, выкрашенные всеми оттенками чёрного: Иван Грозный, Пётр I, Павел I, Александр III и вот Николай I, который ...начал холодное, жёсткое, системное искоренение этой напасти, подвёдя под неё свод законодательных норм, от которых впоследствии никто уже не мог отмахнуться. И в этом его непреходящая заслуга перед Россией..."

А начало отечественной коррупции возводится автором ни много ни мало к князю Ярославу Мудрому, который ввёл "кормление, ничем существенно не отличающееся от мздоимства, в ранг государственной политики, на долгие годы — если не навсегда — сделав его своеобразной частью общественного уклада..."

"Ярослав распахнул официальные ворота мздоимству на Руси, и в том нет его персональной вины, ибо князь действовал в категориях времени, когда нравы только лишь обретали видимость правовых норм, и узаконивал он то, что сплелось уже в прочный клубок взаимоотношений в русском обществе, распутывать который с переменным успехом предостало его последователям..."

От избранной точки зрения Д. Поляков-Катин слегка отступает только в случае московского князя Ивана Калиты, чья судьба, по его мнению, — "удивительная история того, как примиримость хозяина, стремление к укреплению своей семьи и приумножению своего богатства любыми средствами сыграли неожиданно положительную роль в собирании земель русских под знаменем Москвы..." Альтернативная точка зрения, согласно которой важен не столько объём коррупционных злоупотреблений при той или иной власти, сколько общий уровень развития при ней государства и общества, рост их благосостояния, фактически отрицается. Принцип социальной справедливости в целом явно котируется здесь выше принципа прогресса, развития. При этом автор ставит точку (вернее,

многоточие) на конце XX века, хотя феномен коррупции нигде не исчез и после "всенародноизбранного" Б.Н. Ельцина: "посадки" высокопоставленных государственных чиновников за взятки и нецелевое расходование бюджетных средств имели место быть и при Путине, и при Медведеве, и вновь при Путине, не прекращаясь даже в условиях СВО, что фиксируют сообщения об уголовных делах, возбуждённых по обвинениям в коррупции против высокопоставленных сотрудников Министерства обороны РФ с "большими звёздами", вплоть до уровня замминистра. Впрочем, здесь стоит привести авторскую цитату: "За пределами нашего повествования остались события, связанные с периодом после Бориса Ельцина, по той причине, что в формате нашего курса осмысливается то, что уже стало историей, то есть получило своё естественное завершение. Эпоха Владимира Владимировича продолжается, и мы не можем знать, насколько эффектно и эффективно он пришёмит хвост современному лихоимству. Сломать коррупционный консенсус элит — дело не одного года и даже не одного десятилетия. Но многое уже делается прямо на наших глазах..."

Георгий СУДОВЦЕВ

Гребер Дэвид. Бредовая работа. Трактат о распространении бессмысленного труда. — М. : Ад Маргинем Пресс, 2024. — 368 с.

"БРЕДОВАЯ работа" — это не "плохая работа": не грязная, не низкооплачиваемая, не трудная, не малопрестижная. "Бредовой" автор называет ту работу, которая видится абсолютно бессмысленной даже тем, кто её выполняет. Однако нет доблести в том, чтобы констатировать очевидное, поэтому Гребер исследует данное явление, расширив рамки до изначального понимания трудовой деятельности.

Генеральная линия изложения результатов исследования Дэвидом Гребером феномена "бредовой работы" предельно ясна и не вызывает вопросов: человек создан не для труда — те, кто утверждает обратное, жулики и воры. На изгнании человека из райа основано ортодоксальное христианство, на сомнительной ценности труда утверждается иудаизм (общий нам Ветхий Завет), труд — проклятие, наказание за первородный грех. Открываем 2-е послание к фессалоникийцам ап. Павла, глава 3, стих 10, читаем: "Труд — общая всем епитимия, в Адаме на всех наложенная: в поте лица твоего съёси хлеб твой (Быт. 3:19) ("съёси" — "есть"). Нигде о подвижничестве и об ударно-трудовом. Труд есть способ заработать на хлеб — и всё. Нужно мало хлеба — мало работаю, есть хлеб сегодня — не работаю вообще: "Довлеет дневи злоба его" (Мф. 6:34). Гребер взыскует политического — мне достаточно религиозного.

Однако секуляризованному обществу и экономическому индивиду нужны рациональные обоснования абсурдности работы сверх меры. Тогда

ВОЗНЕНАВИДЕЛ Я ТРУД

бессмыслица приобретает строгость и ясность толкового словаря. Этим и занимается Гребер: поясняет, зачем нужна власть имущим бредовая работа. Под "бредовой" он подразумевает ту, которая приносит обществу только вред: контролёры в общественном транспорте, администраторы в Большом театре, Севагин в Музыкальном театре имени К.С. Станиславского и т. п. Однако если вы спросите, почему, например, запрещённые завешены цены на билеты в Государственный академический Большой театр, то вряд ли вам ответят, что сделано это из жадности и снобизма, имеющего в виду "отсечение" от театра "голодранцев", чья структура потребления предполагается более простой, чем у любого "барина с Апрашки". Платить непомерную цену приходится уже не только за хлеб, но и за зрелища. Конечно, наличие в мире Большого театра причиняет планете только добро, но ценой большей эксплуатации того, кто занимается по-настоящему (или хотя бы условно) полезной работой. Качество жизни тех, кто предается бессмыслице, повышается за счёт тех, кто выполняет ту же функцию, но платит за всех тот, кто выполняет нужную работу.

Полезная работа наглядна, поэтому исчислима в деньгах, тогда как работа какого-нибудь менеджера зачастую не видна ни под каким микроскопом, следовательно, оплачивается произвольно и является замаскированной формой взятки/подкупа гражданина политическим истеблишментом.

Происходит очевидное, но в высшей степени невероятное. Возьмём балет: танцовщицы приносят радость, а получают за это меньше, чем завтруппой, от которого обычно один вред. Как правило, эти "завы" не ведут за собой, они надзирают.

ТВОРЧЕСКИЕ ЛЮДИ вовсе не противопоставлены вознаграждению. Да и вообще не стоит считать, что измерение соотношения труда и пользы в деньгах безразвостно. Если принять реальную модель P = T/P, где P — заработок, T — труд, затраченный на решение задачи, P — польза от конечного продукта, то при условии P стремиться к нулю и T стремиться к нулю, мы получим неопределённость, которую необходимо раскрыть. Делается это нанимателем путём объявления T и P (работе время и польза от него соответственно) функциями, производные от которых по заданной работодателем переменной определяют размер заработка и не дают ему уйти в бесконечность. Функции, как и формула "Жока-колы", — коммерческая тайна. Гребер предположил бы, что она произвольна и не имеет другого смысла, кроме извлечения пользы кем бы то ни было, кроме её авторов.

Данная ситуация с очевидностью показывает, что P = T/P, т. е. польза обратно пропорциональна зарплате, и только эта формула может описывать современную экономику.

Мало кто может позволить себе работу, которая полезна без оговорок. Я, например, могу спокойно утверждать, что моя деятельность преподавателя приносит пользу лично мне: я люблю, когда меня окружают красивые вещи и красивые девушки, и фактом своей работы я увеличиваю общее количество счастья на земле. Известному астрологу Кеплеру заниматься астронимией позволила только основная работа. Польза собственной астрологической деятельности была отлита Кеплером прямо в граните, причём учёный привёл религиозный довод: "Для каждой твари Бог предусмотрел средства к пропитанию. Для астронома Он приготовил астрологию". Как видите, истинная духовность и деньги вполне сосуществуют.

"Хитрый бизнес" основан на математике — она позволяет даже нарушить Второе начало термодинамики и заставить немущих платить за богатых, но физику не обманешь: деньги всё равно уходят от производителей к потребителям и имитирующим пользу ("И возненавидел я сам весь труд, над чем я трудился под солнцем, потому что оставлю его человеку, кто будет после, и кто знает, мудрый ли он будет или глупый, — а будет владеть моими трудами". (Еккл. 2:18)).

Поскольку рынок отзывается на это осуждением, Гребер видит несостоятельность и религии, и математики при планировании современной экономики, поэтому предлагает политическое прочтение ситуации, и таковое чисто гипотетически имеет место (рекомендуется также доп. литература: А. Бард, Я. Зюдерквист "Неокапитал. Новая правящая элита и жизнь после капитализма" и Г. Стэндинг "Прекариат: новый опасный класс").

Будучи антропологом, Гребер не обнаруживает в истории идеи о самооценности труда для человека. Религия не навязывает человеку благосостояния того, кто рабства, математика нужна не только для того, чтобы обеспечить мнимые величины. В "балансе" человек исторически неприхотлив. Гребер не особо останавливается на этом, но, к счастью, есть книга, где этот вопрос рассмотрен всесторонне и вполне приложим к нынешней экономической формации (см. М. Вебер "Избранное. Протестантская этика и дух капитализма").

Гребер рассматривает множество отдельных примеров "бредовой" работы, однако из его сочинения становится ясным, что протестантское отношение к труду, будучи извращением христианства, низводит всю трудовую этику в область бреда (историко-беллетристическое обоснование этой точки зрения дано в занимательной книжке одного современного философа-примитивиста — Дж. Зерзан "Первобытный человек будущего").

Нет никакой корреляции между благосостоянием и полезным трудом, и, самое главное, доказать её невозможно. Строго говоря, надёжно можно опираться только на выводимость в математике, однако, когда сам принцип причинности ставится в философии науки под сомнение, на первый план выходит некоторая произвольность математической модели в выборе связей-причин. Доблестный труд равняется высокому благосостоянию? Эмпирические данные это не подтверждают. Что ж, если опыт противоречит теории, то тем хуже для опыта, а нарисовать математическую модель для любой теории легко. Есть мнение, что причинно-следственные связи устанавливаем мы сами, опираясь на фундаментальную (первородную) погрешность, предопределившую наше пребывание в этом мире.

Какой вывод следует из книги Дэвида Гребера? Очень простой: если вам попадётся человек, который говорит о том, что пьющий кофе с корицей по четвергам не достигнет успеха, а благосостояние придёт только к тому, кто трудно и тяжело работает, присмотритесь, чем занят этот трибун сам. Спросите себя: "Cui bono?" — и ответ вас может обескуражить. Да, курсы "успешного успеха" смешны, но нам предлагают нечто худшее.

Знаете, почему "дыхание маткой" и прочие ретриты будут популярны всегда? Они — яркая иллюзия, тогда как увещивания о "трудном труде" — иллюзия унылая.

Евгений МАЛИКОВ

СЕРЕБРЯНЫЙ ВЕК В ЛИЦАХ

Исторический портрет и Серебряный век. Род и коллекция князя Н.Д. Лобанова-Ростовского в изобразительном искусстве России : Учебное пособие по истории искусства для учащихся старших классов, СПО и вузов / Сост. Н.Д. Лобанов-Ростовский, Е.С. Фёдорова. — М. : ЯСК, 2025. — 600 с. : ил.

ЖИЗНЬ каждого человека — это частичка истории поколений, а если мы говорим об аристократах, то свойство значимости лишь усиливается. Портретные галереи, письма, воспоминания и мысли нобилей — это страницы коллективной биографии. Дворянская культура — многослойная традиция, вроде бы утраченная в 1917 году, но сумевшая выжить и в пролетарском государстве — случайно в школах и вузах СССР изучали произведения писателей-дворян, а школьники носили некое подобие гимназической формы.

Передо мной роскошная книга "Исторический портрет и Серебряный век", созданная князем-Рюриковичем Никитой Дмитриевичем Лобановым-Ростовским и профессором Екатериной Фёдоровой. Я не впервые обращаюсь и к трудам князя, и к книгам Фёдоровой, которая, к слову, приходится ему родственницей.

Это уникальное издание, ибо тут собрано, казалось бы, несоединимое: портретная галерея предков Лобанова-Ростовского, причём каждый из портретов — это произведение искусства, а затем — разговор о Серебряном веке на примере коллекции самого князя. Это не только лекции — а среди предков Лобанова-Ростовского дипломаты, военные, сановники, — но и стили. Например, чудеснейшая пара Куракинских (1728) в изображении Жана-Марка Наттье — это игривое рококо, равно как и портрет Екатерины Александровны Лобановой-Ростовской работы Ивана Аргунова (1754), тогда как семейная пара Алексей и Александра Лобановы-Ростовские (1814) — это уже чистейший романтизм. Представлены также портреты самого Никиты Лобанова-Ростовского, сделанные современными мастерами. Здесь — тотальный полистизм века нынешнего. К примеру, выразитель неореалистический скульптурный бюст князя, выполненный Дмитрием Астафьевым.

Авторы сопровождают свой текст двойными комментариями — с одной стороны, мы читаем о титулованных пращурах князя, которые "в течение тысячелетия строили Россию", как точно сказал Лобанов-Ростовский, а с другой — постигаем искусствоведческие азы. Книга снабжена краткими повествованиями о художниках, а заодно растолковываются термины — что такое акварель, эскиз, литография, супрематизм, кариатида, "Мир искусства"...

Князь Никита в каждой своей книге свидетельствует, что значит быть аристократом. В частности, он пишет: "Аристократ отличается чувством обязанности перед предками и потомством. Неся ответственность перед ними, нельзя опозорить фамилию".

мильную честь. Это мотивирует выработку в характере таких качеств, как честность, принципиальность, благородство, верность слову, мужество, справедливость, умение владеть собой. К этому надо добавить такие эстетические качества, как вкус, стиль..." Фолант "Исторический портрет и Серебряный век" — пример и вкуса, и стиля, и благородства. Быть нобилем — служить обществу, а эта книга — именно пример служения.

Великую страсть Лобанов-Ростовский питает к Серебряному веку, произведения коего и составляют большую часть его коллекции. Между прочим, не все образованные люди знают, откуда пошло само название "Серебряный век". Его используют, смакуют, но мало кто задумывается. По сути, в этой книге впервые даётся развёрнутое определение эпохи и даже указывается на нескольких возможных авторов сего расхожего термина:

"Считалось, что первым ввёл термин философ Николай Александрович Бердяев, но в каком произведении, до сих пор найти не могут. В 1925 году критик Разумник Васильевич Иванов-Разумник в статье-памфлете "Взгляд и нечто" выделил Серебряный век как век "постсимволистов", пришедших в литературу в 1910–1920-е годы. Поэт и критик Владимир Алексеевич Пяст в мемуарах "Встречи" (1929) предложил собственную эволюцию смены поколений в культуре: каждая культурная эпоха проходит два этапа своего развития: Золотой и Серебряный века, которые отделены друг от друга приблизительно двумя десятилетиями.

Среди своих современников — поэтов рубежа веков — Пяст выделяет тех, кто родился в 1860-е, и тех, кто родился в 1880-е года, называя это поколение представителями Серебряного века. Анна Ахматова в "Поэме без героя" (1940–1962) применила это название ко времени 1913 года: "И серебряный месяц ярко / Над серебряным веком стыл". Вот видите, какие нюансы в границах и датировках явления. В эмиграции одним из первых использовал эту формулу в применении к эпохе рубежа веков поэт и критик Николай Авдеевич Оцуп в статье "Серебряный век" (1933; расширенный вариант — "Серебряный век русской поэзии", 1961").

В общем, всё витало в воздухе — название могло родиться буквально само по себе, а Бердяев, Пяст и другие лишь уловили дуновение времени. Исторические рамки Серебряного века (ар-нуво, сецессион, либерти, югендштиль) так же размыты. Чаше всего упоминаются 1889–1914 годы, то есть началом послужила Парижская выставка, на которой были представлены все чудеса тогдашней техники, моды, мебелировки и модус вивенди, а закончилась вся эта уютная лепота с началом Первой мировой войны.

Авторы книги дают свою датировку — с 1880 до конца 1930-х годов. И главное, что Фёдоровой и Лобановым-Ростовским даны примеры, это подтверждающие — в живописи, рисунке и театральных постановках. Дескать, Серебряный век продолжался, несмотря на советскую власть, ибо жили те, кто вдохнул воздух дягилевских балетов и сомовско-бакстовской лёгкости.

Разумеется, князь многое рассматривает сквозь призму своей коллек-

ции. Так, на обложке дан рисунок Льва Бакста, которого Лобанов-Ростовский выделяет особо и трепетно. Или вот, он акцентирует своё внимание на Михаиле Ларионове: "Ларионов мне ближе других. Чрезвычайно одарённый человек. Из российских новаторов Ларионов, несомненно, дал толчок всему остальному новаторству. Он мне привлекателен как живописец. С картинами Ларионова и Бакста, например, висящими у меня в столовой, я разговариваю, пусть даже это звучит для вас как небылица".

Так же князь ценит творчество Александра Бенуа, этого тонкого, изящного и вместе с тем ироничного художника. "Мне неоднократно доводилось встречаться с представителями разных поколений знаменитой семьи Бенуа. Это были глубоко интеллигентные, тонко чувствовавшие искусство, одарённые художники (как, к примеру, Николай Александрович), но в житейском плане зачастую совершенно не приспособленные к суровой реальности. Я приложил все усилия к тому, чтобы не было разбазарено их бесценное семейное художественное наследие", — констатирует князь.

Пристальное внимание авторы уделили русскому авангарду, который, как ни странно, гораздо больше ценится на Западе, чем в России. Показаны все предтечи и предшественники этого явления, а затем дана полноценная картина авангардизма в России — конструктивизм, супрематизм, лучизм и так далее. Получается, что авангард, с одной стороны, возник в качестве отрицания всего и вся, но с другой — явился логическим продолжением символизма, неорусского стиля и неоклассики. Эткий анфан террибль, но закономерное "Чад".

БОЛЬШОЕ МЕСТО в книге отведено сценографии, воплощениям на сцене. Здесь объединено всё — от дягилевских сезонов до Камерного театра Таирова и Синей блузы. Примечательно, что затронут и такой малоизученный феномен, как эпидермальное искусство, весьма модное в Серебряном веке. Ныне это носит название "боди арт"! Как же это выглядело в 1910-х? В 1913 году "Ларионов вместе с Ильёй Зданевичем изложил как призыв и как "глашатайство" стремление использовать тело человека как холст: "пора искусству вторгнуться в жизнь", а "раскраска лица — начало творжения". Ларионов расписал свое лицо и лица Натальи Гончаровой и Михаила Ле-Данто, тем самым превратив себя и компанию в живые художественные объекты, и вышел с ними на "футуристическую прогулку" по Кузнецкому Мосту в Москве", — говорится в одной из глав. Таким образом, это глубокая энциклопедия русского ар-нуво, да ещё снабжённая постраничным указателем понятий, явлений, терминов.

Книга заявлена как учебное пособие по истории искусств, что соответствует содержанию. Стоит отметить само издание — мелованная бумага, читабельные шрифты, грамотное расположение абзацев, что в современном книжном бизнесе — редкость. Поэтому "Исторический портрет и Серебряный век" может послужить дивным подарком для самого взыскательного друга.

Галина ИВАНКИНА

«ПРОСТОЙ» РАЗГОВОР

Кабанов Андрей. Криминальный Екатеринбург. Все совпадения не случайны. — М. : АСТ, 2025. — 192 с. — (серия MassCult)

ПОКА получил и освоил книгу, первый тираж уже закончился. Сейчас выходит второй — заметно больше изначального. Да, и читающая аудитория по-прежнему любит рассказы про брата и "стедствие вели". Однако "Криминальный Екатеринбург", несмотря на броское название, книга другого порядка. Издание вышло в рамках серии о "лихих девяностых" — проекта публициста, историка и культуролога Евгения Фатеева. Уже поэтому к нему стоит относиться серьёзно.

"Это небывалая книга о небывалом человеке. Невероятном человеке. Никто никогда "оттуда", из той странной, страшной, потаённой и волшебной "уголовной цивилизации" с нами так не говорил. Дюша, Андрей Кабанов, — первый, кем эта "цивилизация" заговорила с нами вслух. Невыразимо языкая, категоричная и одновременно болезненная интонация. Ураганный юмор и отвратительные подробности жизни, о которых лучше бы мы и не знали ничего. Убийства, ложь, предательство, подвиги, любовь, честь, смерть".

Андрей Владимирович Кабанов — со-основатель знаменитого фонда "Город без наркотиков", экс-депутат екатеринбургского гордумы, общественный деятель. В июне ему исполнилось 65 лет. Биография у него — в троих хватит.

Забавно, но даже фотографии Кабанова — словно вехи последних десятилетий. Длинноволосый старшек-классик с гитарой, мордоворот в спортивном костюме, политик в пиджаке. Ныне Андрей Владимирович — эlegantный господин с умными внимательными глазами и яркой образной речью.

"Криминальный Екатеринбург" — это исповедь. Кабанов не оправдывается, не занимается саморекламой. И не решает сверхзадач. Он просто рассказывает, отвечает на вопросы. Говорит в тех объёмах, что дозволены порой чрезмерной цензурой. Но этот "простой" разговор выводит на большие темы.

СЧАСТЛИВОЕ детство и наркомания, "бандитка" и хождение во власть, диаспоры и чиновники, дружба и противостояние с Ройзманом (иностранный агент. — Ред.), наконец, обретение Бога и церковный мир. Это рассказ про время, когда было сложно провести границу между властью, силовыми структурами и криминалом: криминал управлял властью и силовиками, а власть — криминалом.

Кабанов честен и резок. Порой оглушающ. Его опыт лечения наркомании — без сантиментов, так называемый "метод Дюши Кабанова" — голодом и трудом. А политику характеризует как "машину для денег", и делющему такую карьеру предлагает "постоянно моральные прививки ставить ...от вурдалаков, от сатанистов".

Но несмотря на всю объяснимую "жест", книга полна любви и надежды. И, пожалуй, иначе быть не могло.

Даниил ТОРОПОВ

Крестный ход в приходе св. праведного Симеона Верхотурского в Екатеринбурге (в центре Андрей Кабанов), 1990-е гг.